

**Российская
школа
бескорыстия**

Ольга Киселева

Российская школа бескорыстия

«1000 бестселлеров»

2012

Киселева О. Ф.

Российская школа бескорыстия / О. Ф. Киселева — «1000 бестселлеров», 2012

Монография о великих российских медиках – рыцарях духа. Их судьбы полны ярких событий, драматизма, тяжелых потерь и благородных поступков. Имена их почти исчезли из памяти нашего поколения. Вы узнаете о докторе Ф. П. Гаазе, который всю жизнь спешил делать добро, первом русском профессоре С. Г. Зыбелине, Г. Н. Минхе, Д. К. Заболотном, ставивших смертельные эксперименты на себе, чтобы исцелять больных, первых женщинах-врачах России – княжне В. И. Гедройц, А. Д. Оберучевой, которые бесстрашно шли на поле брани помогать раненым. Бескорыстное и самоотверженное служение больным наполняло высоким смыслом жизнь российских врачей – гордости нашего Отечества. Среди них имена великих ученых Н. И. Пирогова, И. П. Павлова, Н. В. Склифосовского, С. П. Боткина и многих других. Они были счастливы счастьем других, доказали, что высшие духовные ценности существуют. Дорогие читатели! Мы хотим, чтобы встреча с великими учеными-медиками оказалась для вас не только полезной, но и послужила источником вдохновения и веры в свое высокое предназначение. Книга может служить пособием по курсу истории медицины для студентов медицинских вузов...

© Киселева О. Ф., 2012

© 1000 бестселлеров, 2012

Содержание

Предисловие	5
Слово об авторах	7
Глава I. Они были первыми	10
Первый русский профессор (С. Г. Зыбелин)	11
Лечить не болезнь, а больного (М. Я. Мудров)	13
О повивальном искусстве (Н. М. Максимбвич-Амбодик)	17
Наш любимый доктор (Е. О. Мухин)	20
Великий врач и гражданин (Н. И. Пирогов)	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Евгений Васильевич Харламов, Ольга Федоровна Киселева

Российская школа бескорыстия: монография

Предисловие

По словам великого человека и хирурга Н. И. Пирогова, «прямая цель университетов... служить маяками, распространяющими свет в обществе». Особым благодатным светом призваны быть врачи, поддерживающие и сохраняющие здоровье нации. Врач занимает ответственное место в обществе, к нему предъявляются большие требования не только как к специалисту, но и как к человеку с высокой нравственностью. Поэтому наряду с профессиональными знаниями будущие медики в процессе учебы изучают историю медицины, деонтологию, биоэтику – дисциплины, дающие образцы истинного служения выдающихся медиков. Эти предметы способствуют формированию профессионального мировоззрения, выбору приоритетов. По русской медицинской традиции перед началом своей профессиональной деятельности российский врач дает клятву все средства направить для пользы больного, быть человеколюбивым, безотказно приходить на помощь больному, помогать страждущим. Огромную ответственность принимает на себя тот, кто получил с дипломом врача некоторое право на жизнь и смерть другого. Поэтому о профессиональной состоятельности врача можно говорить только в том случае, если его знания и умения есть инструменты милосердия, любви и самоотверженного служения больным, а не средства для карьерного роста и обогащения, честолюбия и гордыни. «Не догма, а знание, не служба, а служение, не ремесло, а творчество» – такими постулатами должен руководствоваться каждый избравший профессию врача.

Не только талант, но и великое сердце были присущи славной плеяде российских медиков, которым посвящена книга «Российская школа бескорыстия». Я с радостью представляю ее всем, кто избрал профессию врача. Она – дань глубокого уважения и памяти замечательным отечественным врачам прошлых столетий – великому человеку и гражданину Н. И. Пирогову династии Боткиных, первым женщинам-врачам В. И. Гедройц и А. Д. Оберучевой. Эти люди всей своей жизнью доказали, что «сила врача в его сердце, а важнейшая основа лекарства – любовь».

Жизнь истинного врача – настоящий подвиг самоотверженности и полной отдачи себя больным, порой невероятно тяжелый и неблагодарный. Но путь избравших его наполняет жизнь высоким смыслом, приносит огромную радость от нужности, полезности другим. Люди, о которых эта книга, были именно такими врачами-подвижниками. Вступив в медицинское сообщество, они целиком отдавали себя служению больным, выполняли свой профессиональный долг. Никому не отказывали в помощи, совершенствовались в своих знаниях, трудились во благо России. Желаю и вам, дорогие коллеги, продолжать и поддерживать лучшие благородные традиции наших российских врачей – сострадательность и милосердие, доброжелательность и чуткость к больным. Будьте достойны их памяти! И пусть книга «Российская школа бескорыстия» поможет вам утвердиться в том, что именно стремление к высшим профессиональным и человеческим идеалам должно быть основной задачей жизни врача. Тогда придет настоящий успех – любовь и признательность тех, кому вы сумели помочь.

и. о. ректора Ростовского государственного медицинского университета, заслуженный врач РФ, доктор медицинских наук И. В. Дударев

A handwritten signature in black ink, consisting of several loops and a long horizontal stroke extending to the right.

Слово об авторах

Желание видеть людей здоровыми физически и духовно, содействовать этому, радоваться вместе с ними объединило между собой доктора медицинских наук Е. В. Харламова и филолога-богослова О. Ф. Киселеву. Так благодаря совместным усилиям увидела свет книга «Российская школа бескорыстия».

Харламов Евгений Васильевич – заслуженный работник здравоохранения РФ, доктор медицинских наук, профессор, возглавляет кафедру физической культуры, ЛФК и спортивной медицины Ростовского государственного медицинского университета (РостЕМУ). Это человек, который в жизни всегда занимал активную гражданскую позицию – участвовал в формировании студенческих отрядов, был комиссаром и командиром зонального студенческого отряда, бойцом ССО на целинных стройках Казахской ССР. С его помощью для студентов РостЕМУ расширена спортивно-учебная площадь кафедр, внедрены современные виды оздоровительной физкультуры среди молодежи. Е. В. Харламов входит в состав постоянно действующей комиссии ЦК профсоюза работников здравоохранения РФ по защите социальных

прав работников образовательных и научных учреждений РФ. Будучи научным консультантом по лечебной физкультуре и спортивной медицине, Е. В. Харламов увлекает студентов своей целеустремленностью, оптимизмом, показывает пример самодисциплины, полной самоотдачи любимому делу. На его счету 300 научных и методических разработок, среди них учебники, учебные пособия: «Физическая культура и здоровье», «Основы массажа», «Лечебный массаж», «Гимнастика и массаж ребенка первого года жизни», «Активный отдых (студента и лиц умственного труда)» и другие работы. За свой многолетний плодотворный труд, подготовку врачебных и научно-педагогических кадров награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством II степени». Вся деятельность Е.В. Харламова направлена на благо людей, способствует сохранению и укреплению их здоровья.

Киселева Ольга Федоровна имеет два высших образования: филологическое и богословское. После окончания Ростовского государственного университета работала редактором, корректором, а затем, в возрасте 47 лет, в 1999 г., начала учиться в Православном Свято-Тихоновском Богословском Институте заочно, который окончила в 2005 г. На учебу дал благословение Святейший Патриарх всея Руси Алексей II. Вот что она сама рассказывает об этом: «При встрече со Святейшим произошел конфуз. Я забыла, как правильно к нему обращаться, и сказала: «Благословите, батюшка». Он переспросил: «Как, как вы меня назвали?» – «Батюшка, – ответила я Владыке. – А вы разве нам не батюшка?» Святейший так замечательно рассмеялся,

посмотрел на меня по-доброму и сказал: «Конечно, батюшка» и благословил. С тех пор моя жизнь, хоть и по-разному складывается, но идет по пути, благословенному Святейшим».

В 2006 году, по благословению архиепископа Ростовского и Новочеркасского Пантелеймона, вышла первая книга О. Ф. Киселевой «Как побеждаются недуги» – советы и наставления святых отцов по преодолению болезней. Очень интересна ее история. Книга нашла своего читателя среди онкобольных. На средства благотворителя она еще дважды переиздавалась. Еще две книги О. Ф. Киселевой – «Справочник православного паломника» (в соавторстве), «Традиции православного воспитания» выпущены издательством «АСТ-Астрель» в 2008 году.

Глава I. Они были первыми

Что ни делаю, постоянно думаю, что служу этим, сколько позволяют мои силы, прежде всего моему отечеству, нашей русской науке.

И. П. Павлов

В эпоху Петра I – великого преобразователя и реформатора земли Русской – произошли крупные перемены в жизни России, ее экономике, укреплении международного престижа.

Петр I проявлял большой интерес ко всем наукам, в том числе и к медицине. Во время своего пребывания за границей, например в Амстердаме, он посещал лекции и анатомический лицей, присутствовал на операциях. В Лейденском университете интересовался, как проводятся лекции, в Голландии общался с А. ван Левенгуком, познакомился с научными достижениями И. Ньютона.

При Аптекарском приказе открылась первая лекарская школа, в России до Петра I не было ни одного медицинского учреждения. По распоряжению Петра I для получения медицинского образования в Западную Европу направлялись многие русские, ощущалась огромная потребность во врачах в армии и во флоте. В России в основном работали приглашенные медики-иностранцы.

В 1724 г. в Петербурге Петром I была учреждена Российская Академия наук. Она являлась и научным, и учебным заведением, чтобы «науки производить и оные распространять». Ее первым членом, русским, по национальности, стал наш гениальный ученый-энциклопедист Михайло Васильевич Ломоносов, впоследствии профессор химии в Академии наук. Вся его весьма плодотворная деятельность способствовала развитию многих наук, таких как физика, химия, геология, география, российская история, грамматика. Он служил и словом и делом государству Российскому. Большое внимание Михайло Васильевич уделял и вопросам организации медицинского дела. Великий человек был. «Между Петром I и Екатериной II, – писал о нем А. С. Пушкин, – он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом».

Первый русский профессор (С. Г. Зыбелин)

Среди абсолютного большинства преподавателей-иностранцев в Московском университете, открывавшемся в 1755 г. стараниями М. В. Ломоносова, в 1765 г. на медицинском факультете появился наш первый русский профессор **Семён Герасимович Зыбелин** (1735–1802). Вначале он был студентом философского факультета, затем продолжил свое образование в академическом Университете при Академии наук, возглавляемой М. В. Ломоносовым. И далее – Лейденский университет, степень доктора медицины.

После успешной защиты докторской диссертации Семён Герасимович – первый профессор Московского университета – стал читать лекции студентам на родном русском языке, а не на латинском, как это было принято в то время. Тем самым С. Г. Зыбелин облегчил студентам усвоение новых, непростых теоретических основ медицины. При чтении клинических лекций профессор ввел показ экспериментов и демонстрацию больных. В круг его обязанностей входило также преподавание фармации. Это были курсы рецептуры, аптекарского искусства, фармацевтической химии. При этом обязательно демонстрировалось приготовление важнейших лекарств, их под руководством С. Г. Зыбелина изготавливали аптекари. Им разрабатывались вопросы гигиены, общественной медицины. По его мнению, «многие причины сей преждевременной гибели человечества находятся, которых два источника – физический и политический».

Семен Герасимович организовал при Московском университете медицинские консультативные курсы, чтобы студенты, наряду с теоретическими знаниями, могли применять их на практике. До этого времени при университете не имелось вообще специализированных клиник. Негде было заниматься практической медициной.

С. Г. Зыбелин многократно выступал в университете по различным вопросам медицины. Эти речи («Слова») имели целью пропаганду медицинских сведений среди различных слоев населения. Все его «Слова» печатались и становились доступными. Темы речей С. Г. Зыбе-

лина были самыми разнообразными, например, «О пользе прививки оспы», «О правильном воспитании с младенчества в рассуждении тела, служащем к размножению в обществе народа». Семен Герасимович считал, что наука должна познать не только «внешнюю красоту» окружающих века явлений, но и внутреннее содержание, природные связи. Он был последователем М. В. Ломоносова и утверждал, что в основе наших знаний должны лежать опыты и наблюдения, их осмысленное восприятие.

В его трудах впервые в отечественной литературе (1767) придавалось большое значение физическим упражнениям и закаливанию для физического развития человека, сохранения и укрепления здоровья, для лечения болезней. Эти работы стали в дальнейшем основополагающими для создания П.Ф. Лесгафтом теории физического воспитания в России.

В «Слове о действии воздуха в человеке и путях, которыми в него входит» С. Г. Зыбелин указал на единство человека с окружающим миром, подчиняемость его законам природы.

Как гражданин и патриот России С. Г. Зыбелин не остался в стороне во время вспыхнувшей эпидемии чумы в Москве.

Он был среди тех, кто участвовал в работе госпиталей и больниц, при этом проявил незаурядное мужество и самоотверженность. Более 37 лет С. Г. Зыбелин отдал делу обучения и воспитания собственных российских кадров.

В течение 15 лет он состоял бесплатным врачом при университетской больнице; завещал университету свою библиотеку, которая была передана Физико-математическому обществу. На его надгробии выбита эпитафия::

По сердцу и уму се истинный мудрец,
Он славы не искал, но был наук красою,
Любовь ко ближнему была его душою;
Из тихих дней его она сплела венец
Для муз отечества, который не увянет, —
Зыбелин вечно жить своею пользой станет.

С. Г. Зыбелин был первой ласточкой, «прирожденным русским», ратовавшим за самостоятельное развитие отечественной медицины и этому посвятил свою жизнь.

Лечить не болезнь, а больного (М. Я. Мудров)

«Я направляю режим больных им на пользу, сообразно моим силам и разумению, воздерживаясь от причинения какого-либо вреда или несправедливости. Я не дам никому просимого смертельного средства и не покажу пути к такой цели... Чисто и свято буду проводить свою жизнь и свое искусство.

В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всего умышленно несправедливого и пагубного...

Мне, исполняющему и не нарушающему клятву, да будет счастье в жизни и в искусстве и слава у всех людей на вечные времена; преступающему же и дающему ложную клятву да будет обратное этому».

Эту знаменитую клятву Гиппократов всегда свято соблюдал и следовал ей **Матвей Яковлевич Мудров** (1776–1831), великий русский терапевт. Именно он возродил комплексный подход к лечению, знакомый врачам античности, отвергнутый затем и забытый. М. Я. Мудров разработал принципы и правила диагностики и лечения, придерживаясь точки зрения Гиппократов и «гиппократиков»: «Только наблюдения за больными, их изучение, обобщение и накопление практического опыта, а не умозрительные сентенции помогают истинному распознаванию болезней и их лечению».

В 1820 г. на открытии Медицинского института при университете он обратился к студентам со «Словом о способе учить и учиться медицине практической у постели больных»: «Вам же, друзья мои, еще чаще и громче буду всегда повторять одно и то же, что не должно лечить болезнь по одному только ее имени, не должно лечить и самой болезни, для которой и названия не находим, не должно лечить и причин болезни, которые часто ни нам, ни больным, ни окружающим не известны, ибо давно уже удалились от больного и не могут быть устранены, должно лечить самого больного, его состав, его органы, его силы. Вот тайна моего лечения, которую приношу вам в дар».

Всего себя Матвей Яковлевич Мудров приносил в дар, преданно и самозабвенно его служение во благо Отечества. Им проделан огромный труд по составлению и сбору историй болезни пациентов: за 22 года врачебной практики накоплено 40 томов собраний историй болезней, где в строго определенном порядке фиксируются сведения о больном, его профессии, родных, условиях жизни, питания и другие данные. Это совершенно уникальный свод, подобного не было и нет не только в России, но и за рубежом. Таким образом, М. Я. Мудров является первым врачом, создавшим «Клиническую записку больного». «Сие сокровище для меня дороже всей моей библиотеки. Печатные книги везде можно найти, а историй болезней нигде». Именно они – бесценное подспорье в лечебной деятельности М. Я. Мудрова.

Он был прекрасным врачом-терапевтом, имел большой авторитет среди медиков как в нашем Отечестве, так и за рубежом, состоял членом многих европейских академий, а также членом-корреспондентом Петербургской медико-хирургической академии. В Московском университете М. Я. Мудров читал лекции по внутренним болезням, военной гигиене и другим предметам, это было его «богатство и ученая роскошь». М. Я. Мудров, в отличие от его коллег, не считал внутренние болезни строго теоретической наукой. Он требовал, чтобы студенты изучали дисциплину в анатомичке. Его лекции были очень наглядными, сопровождались практическим показом. «Только через патологическую и общую анатомию мы можем прийти к прогрессу русской медицины. Всем нам надо побольше вскрывать трупов больных и через анатомию узнавать и изучать болезни», – говорил студентам М. Я. Мудров.

Работая в 1807 г. в действующей армии в г. Вильно в Главном госпитале, он на основе наблюдений и, прежде всего, собственной практики лечения раненых и больных солдат издает «Принципы военной патологии» – руководство по военно-полевой хирургии. Это была первая подобного рода работа, написанная нашим русским, отечественным врачом. Именно этот труд сыграл важную роль в подготовке военных медиков и организации лечения раненых в ходе Отечественной войны 1812 года.

Матвей Яковлевич – первый в России, кто читал студентам курс военной гигиены, автор первого руководства по военной гигиене – науке сохранения здоровья военнослужащих, которое издавалось в 1809, 1813 и 1826 годах. Он является одним из основоположников русской военно-полевой хирургии и терапии.

Имя Матвея Яковлевича Мудрова неразрывно связано с Московским университетом. Он пришел сюда в 1808 г. в должности профессора, а через год возглавил кафедру патологии и терапии. «Чем же я должен блеснуть при начале моего служения в Университете?» – спрашивал он себя. – Величием? Обыкновенное приобретение белоручек. Сочинениями? Нет пользы в собственной опытности в искусстве, которая есть результат долговременных опытов наблюдений и работ. Удачей в городской практике? Верное средство быть полезным себе, а не учащимся... Я робею, боюсь не нравиться слушателям, преобразовав их в работников, и, что более, – не угодить самому себе».

Весной 1812 г. М. Я. Мудрова избирают деканом медицинского факультета, а в июне началась война с Наполеоном. И он вместе с коллегами из университета работал полевым хирургом в Нижнем Новгороде. Вернувшись в Москву, М. Я. Мудров застаёт университет сгоревшим и принимает самое деятельное участие в его восстановлении. Он пожертвовал свои

личные средства, чтобы ускорить деятельность медицинского факультета, отдал свою личную библиотеку взамен сгоревшей, которая собиралась им на протяжении многих лет, дает свои деньги для строительства Клинической больницы и Медицинского института. Матвей Яковлевич добивается ассигнований на строительство Медицинского института. И вот к сентябрю 1820 г. готовы и новое здание Клинической больницы и новое здание Медицинского института. М. Я. Мудров, по прошению ученого совета вышестоящим инстанциям, назначается директором Медицинского института при университете.

Николай Иванович Пирогов, будущий великий хирург, в то время студент медицинского факультета Московского университета, будучи на учебе в Дерпте не раз перечитывал лекции М. Я. Мудрова. Слова Матвея Яковлевича, наставника и учителя, очень подействовали на него и, быть может, помогли формированию врачебного характера, его души, образа мышления:

Профессия врача-подвиг. И поэтому не каждый может быть врачом... Не сам ли я лечу болезни перед вашими глазами. Так, соглашаюсь, я учу лечению болезней по общепринятому образу выражения, а на деле я лечу больных... Каждый больной строго индивидуален, и у каждого болезнь протекает по-разному... Познание болезни есть половина лечения. Врач смотрит на три вещи: первое – на свойство больного, второе – на действие причин болезненных, находящихся в природе; третье – на самую болезнь, и по сим трем отношениям учреждает свои врачебные действия. В болезнях надобно с корня начинать лечение, то есть с причин, тогда и ветви ее или припадки болезни сами по себе иссохнут и пропадут...

Матвей Яковлевич занимал ответственный и почетный пост директора Медицинского института, кроме того, М. Я. Мудров – личный врач многих именитых семейств – Голицыных, Оболенских, Муравьевых, Лопухиных, Трубецких. В то же время его отличала необыкновенная скромность во всем и непритязательность. Он всегда помнил то время, когда его, четвертого сына их бедной семьи вологодского священника, провожали на учебу в Москву. Для поездки в столицу его семья смогла выделить Матвею лишь 25 копеек медных денег, медный крест и фаянсовую чашку, которые М. Я. Мудров хранил всю жизнь. Всю жизнь он был старательным и очень трудоспособным, поэтому, видя его успехи в древних языках, его эрудицию, директор Московского университета Павел Иванович Фонвизин в виде исключения принял его в университет с оплатой из университетского фонда и бесплатным проживанием в университете. Матвей Яковлевич, будучи студентом, пел в церковном хоре университетской церкви. Его пение понравилось Тургеневым, и они пригласили Матвея к себе. Там он познакомился с В. А. Жуковским, сенатором И. В. Лопухиным, дядей А. В. Пушкина – Василием Львовичем Пушкиным и понял, что мало быть хорошим врачом, но необходимо быть и образованным человеком. И тогда он начинает заниматься самообразованием – читает не только специальную литературу, но и книги по истории, искусству. Путь Матвея Яковлевича – это путь великого труженика. Как наиболее одаренный выпускник университета он, по решению императора Павла, был отправлен за границу «для усовершенствования в науках», побывал в медицинских школах Берлина, Вены, Парижа и везде перенимал то, что потом могло пригодиться в дальнейшей работе. Со временем М. Я. Мудров понимает, что суть медицины только в практике, опыте. И опять работа, работа – снова за граница. Лонсхут, «Мекка» медиков – Бомберг. В Геттингене, в клинике повивального искусства, одной из лучших в Европе, заплатив 30 талеров, он все дни проводит в клинике, изучая акушерство. М. Я. Мудров оперирует вместе с Зибельтом в Вюрцбурге, совершенствуясь в анатомии и хирургии, задерживается в Вене в глазной клинике. Чтобы посещать платные занятия в Париже, подрабатывает репетиторством, обучая детей князя Голицина русскому языку. Так постепенно накапливались врачебный опыт и знания, столь необходимые для становления и развития своей российской медицины. Так формировался и сам характер гражданина и патриота нашего Отечества.

Одним из самых сильнодействующих лекарств Матвей Яковлевич считал душевное лекарство – Слово. «Душевные лекарства врачуют тело. Сим искусством сообщается боль-

ным та твердость духа, которая побеждает телесные болезни, тоску, метание и которая самые болезни тогда покоряет воле больного».

М. Я. Мудрову принадлежат немалые заслуги в становлении медицинской деонтологии, связанной с проблемами нравственности, этическими нормами и принципами медиков, их врачебным долгом.

В «Слове о благочестии и нравственных качествах гиппократова врача», опубликованном в 1813 г., даются наставления, каким должен быть врач не только по своему профессиональному мастерству, но и моральному облику. Образцом такого врача и был Матвей Яковлевич Мудров.

«Учитесь у Гиппократата, – говорил профессор своим студентам, – тогда будете и хорошими врачами, и настоящими людьми».

В связи с эпидемией холеры в Поволжье в 1829 г. он выезжает в Саратов и возглавляет комиссию по борьбе с опасной инфекцией. Положение было крайне тяжелым – половина больных умирала. Весной 1831 г., в связи со вспышкой холеры в Петербурге, М. Я. Мудров едет туда. За три месяца он успел открыть в Петербурге три холерных больницы в рабочих районах. 8 июля 1831 г. М. Я. Мудров умирает, заразившись от больных. Это был последний подвиг врача.

Всею своей жизнью великий врач и человек большой души Матвей Яковлевич Мудров доказал, что «любовь к медицине неразрывна с любовью к человечеству».

О повивальном искусстве (Н. М. Максимович-Амбодик)

В середине XVIII в. в Российской империи наблюдалась катастрофическая убыль народонаселения. Среди многих причин такого положения дел – бедности, бескультурья, чрезмерной заболеваемости и смертности русского народа особое место занимала детская смертность. «Крайнее в повивальном деле незнание многих неученых русских бабок, кои повсюду в России, а особливо между простым народом свободно исправляют повивальное дело к собственному их стыду, общей гибели и явному вреду всего государства», – писал об этом в своей книге «Искусство повивания» основатель отечественного акушерства **Нестор Максимович Максимович-Амбодик** (1744–1812).

Как правило, русские семьи были многочисленными, роды воспринимались как естественное событие, женщины почти каждый год производили на свет детей. Поэтому если ребенок выживал, то и слава Богу, если нет – то смиренно встречали его смерть. Деревенскими повитухами были пожилые женщины, по большей части вдовы, иногда замужние, но только те, которые сами перестали рожать. По царившему тогда мнению, «девица, хотя и престарелая, повитухой быть не может, да и бездетная – плохая повитуха. Какая она бабка, коли сама трудов не пытала? При ней и рожать трудно, и дети не всегда в живых будут...».

Перед родами живот беременной смазывали мазью из заячьей желчи, сока пырея и козьего сала, давали выпить воду, в которой варились два яйца, и съесть два кусочка корневища белой кувшинки, одолень-травы. Об этой чудодейственной траве сложили песню:

Если бы знала баба,
Что такое одолень-трава,
Вшила бы в пояс
И носила б на себе...

Вот такая была нехитрая метода родовспоможения. Медицинских родовспомогательных учреждений в России не было. Дети производились на свет дома с помощью, в основном, неграмотных и невежественных повитух, и только в 1757 г. в Москве и Санкт-Петербурге были открыты первые «бабьи школы». Преподавание там велось на иностранных языках, царило засилие чужеземцев. И хотя польза от них была, но далеко не все стремились помочь чужому народу чужой для них страны. Кроме того, взаимопонимание осложнялось из-за языкового барьера и различного менталитета.

В 1782 г. первым российским профессором «повивального искусства» стал Нестор Максимович. Он возглавил Санкт-Петербургскую акушерскую школу («бабичью школу») и впервые начал читать лекции на русском языке. С целью пропаганды медицинских работ, способствующих повышению культурного и санитарного уровня среди простых людей, Нестор Максимович многие из них издавал на собственные средства, хотя и не имел большого капитала, делая переводы с французского, немецкого и латинского языков, которыми в совершенстве владел. Занимался также переводами иностранных учебных пособий. Нестор Максимович ратовал за развитие своей российской науки.

В книге «Врачебное веществословие» он писал: «Хотя врачебная наука повсюду есть единая и та же самая, однако, кажется, что она мнит некоторое различие в том, что врач и лекарь, единокоренник, соотич и друг, почитаются для больного и лучше, и надежнее, и вернее, чем неизвестный пришелец и иноземец, коему и сложение тела и свойства и род жизни больного неизвестны».

Решение посвятить себя медицине пришло к Нестору Максимовичу в 25 лет. Имея пылкий ум, добрую и чувствительную душу, он хотел приносить практическую пользу своему Отечеству. Сын священника, окончивший Киевскую духовную академию, Нестор Максимович отправляется в Санкт-Петербург и поступает в медицинскую школу морского госпиталя. Затем он продолжает учебу в Западной Европе, в Страсбургском университете, получая стипендию из фонда княгини Е. Д. Голицыной-Кантемир, которая завещала свой капитал для постоянного обучения за границей «природных россиян» по акушерской специализации. Очень непросто было жить и учиться небогатому молодому человеку за границей. Тяга к знаниям, желание постигать неизвестное, но необходимое в дальнейшей работе, стремление к самообразованию служили ему стимулом для знакомства с врачебным делом в Германии, посещения немецких клиник. Он слушает лекции, беседует с врачами и совершенствует свой немецкий язык.

Вернувшись на родину, Нестор Максимович начинает свою практическую деятельность в лечебных учреждениях и преподает «Акушерскую науку» в лекарских школах при госпиталях.

Как странно устроена жизнь! «Сколько могу из детства вспомнить, – признается он сам себе в книге «Искусство повивания», – тогда и мне на мысль не приходило, чтобы когда ни есть обучаться врачебной науке, а еще и того менее, чтобы быть для других путеводителем в повивальном деле». Позже желание узнать, «кому на Руси хорошо», а кому – плохо и почему, привело его в юридическую комиссию по составлению проекта «Уложение новых законов» – и перед ним предстала причина детской смертности во всей своей реальности – в цифрах и фактах. И это, возможно, был переломный момент в жизни Нестора Максимовича. Теперь

мечта доктора медицины осуществилась – он посвятил себя делу помощи «благословенным плодом любви женщинам благополучно разрешиться таковым».

Нет предела совершенству! За плечами «отца русского акушерства» Киевская духовная академия, где он получил свое первое высшее образование, учебное учреждение, пользующееся большим авторитетом и на Западе за глубокие знания многих дисциплин и иностранных языков, Страсбургский университет – кузница передовых ученых-медиков, годы, проведенные за границей, куда его «по высочайшему повелению» отправляют для углубления знаний по акушерскому делу.

Нестор Максимович открыл и облегчил путь в науку своим соотечественникам, интересующимся медициной. Он написал несколько медицинских словарей, так как до этого в русском языке отсутствовала медицинская терминология. Стремясь увеличить количество обучающихся «бабичьему делу», Нестор Максимович просил Медицинскую коллегию обнародовать расписание его лекций через «Санкт-Петербургские ведомости». Для большей наглядности он первый в России начал проводить лекции на акушерском фантоме-менекене, применяя его для изучения механизма родов и обучения на нем различным акушерским приемам и операциям. Нестор Максимович опередил свое время почти на 100 лет, предложив хирургическое лечение внематочной беременности, что в дальнейшем подтвердилось работами Н. В. Склифосовского и В. Ф. Снегирева.

Нестора Максимовича считают также основоположником российской фитотерапии. Он придавал большое значение лекарственным растениям при лечении многих заболеваний: *Чем больше с природой согласно будет врачевание приключаящихся человеческому роду болезней, тем больше успехов от врачебной науки и вящей пользы от употребляемых лекарств впродолжение можно.*

Им была издана книга «Энциклопедия питания и врачевания, составленная личным лекарем Ее Императорского величества Екатерины II в 1784 г. профессором Н. Амбодиком», представляющая собой богатейшее собрание описаний лекарственных растений.

Помимо акушерства и медицины Нестор Максимович занимался геральдикой. В 1811 г. в Императорской типографии Санкт-Петербурга вышла его книга «Избранные эмблемы и символы на русском, латинском, французском, немецком и английском языках объясненные, прежде в Амстердаме, а потом во граде Св. Петра 1788 года, с приумножением изданные Статским Советником Нестором Максимовичем Амбодиком».

По заказу военного ведомства им был переведен на русский язык труд И. И. Пленка «Врачебные наставления о любострастных болезнях». Объем книги, повествующей о болезнях, поражающих организм человека в результате любовных утех сомнительного свойства, увеличился на $\frac{1}{3}$ за счет собственных материалов Нестора Максимовича.

Ученый не щадил себя. В любую погоду, утром и ночью он спешил туда, где в нем нуждались. По воспоминаниям современников, это был веселый и жизнерадостный человек и при любом подходящем случае любил подшутить. Это он придумал себе такой псевдоним – Амбодик, что по-латински означает «дважды скажи» (ambodic) и звучит как вежливое напоминание, что его отчество и фамилия одинаковы – Нестор Максимович Максимович.

Но больше всего Нестор Максимович любил свое дело – и преданно ему служил. В своей капитальной труде «Искусство повивания, или Наука о бабичьем деле» – первом отечественном руководстве по акушерству он отвечает на вопрос, почему так дорога ему эта наука. Она полагал ее «нужною и полезною, поелику главным предметом себе поставляющую соблюдение полезных обществу членов... едва ль есть другая, которая была бы более важною и человеческому роду многополезною, как повивальная, отсюда явствует, сколь благородной есть повивальной науки предмет».

Наш любимый доктор (Е. О. Мухин)

Наша великая Россия всегда жила по никому неведомым законам и правилам, вопреки всякой логике, наперекор ей. С одной стороны, необъятные просторы, богатство недр, с другой – убогость и нищета миллионов людей. Вместе с тем многие выходцы из бедных, неимущих слоев, семей небольшого достатка составили цвет нации, стали всемирно известными учеными, такими как М. В. Ломоносов, М. Я. Мудров, Н. И. Пирогов, И. П. Павлов. Они обогатили науку новыми свершениями и открытиями, были истинными патриотами своего Отечества.

Из XIX столетия звучит обращение Иустина Евдокимовича Дядьковского, известного медика и врача, призывающего русских ученых к «благородной национальной гордости, той высокой патриотической любви», которые, по его словам, «животворят дух отечественных предприятий» и поэтому необходимы для расцвета науки просвещения.

Выходцы из высшего сословия, занимающие руководящие посты в государстве, обучаются лишь светским манерам: «Вот, что хотелось бы мне спросить у этих так называемых воспитанных людей: кончивши упомянутые науки, чему они потом учатся? Совершенно ничему. Они уже готовы занять должности. Почему это? Потому что танцуют? Потому что играют на разных инструментах? Потому что говорят на разных языках?» – с негодованием писал И. Е. Дядьковский, звезда Московской медико-хирургической академии. Звездой он стал за способность и умение так преподавать курсы патологии и терапии, что студенты засиживались на его лекциях много часов кряду.

Именно на его способности «располагать свои мысли правильно и систематически объяснять оные довольно правильно», широкий кругозор, неотразимую логику обратил внимание профессор **Ефрем Осипович Мухин** (1766–1850). Он рекомендовал оставить И. В. Дядьковского в числе трех студентов в Академии для подготовки к научной деятельности.

Но руководство Академии не решилось ходатайствовать перед министром о материальном обеспечении студентов. Как потом отмечал И. Е. Дядьковский, «в особенности высшие сословия в России, от внимания и содействия которых преимущественно зависит развитие подобных предприятий, до того равнодушны к успехам отечественного просвещения и, наоборот, до того пристрастны ко всему иностранному...» Неизвестно, как бы сложилась судьба И. Е. Дядьковского, если бы он мог поступить только на службу в военное ведомство лекарем, о дальнейшей научной деятельности не приходилось бы даже мечтать. Но на помощь пришел Ефрем Осипович Мухин, который дал свои личные деньги на содержание наиболее способных студентов, желавших посвятить себя науке, среди которых был И. Е. Дядьковский, впоследствии доктор медицины, профессор. Профессор Е. О. Мухин глубоко переживал и сочувствовал студентом, он видел, какие большие трудности и препятствия приходится преодолевать, чтобы идти по намеченному пути, и сам в своей жизни испытал подобное.

Ефрем Осипович Мухин был широко известен не только в России, но и за рубежом. Его докторскую диссертацию «О стимулах, действующих на живое человеческое тело» – новое и сложное исследование о зависимости человеческого организма «от внешних и внутренних возбуждений» хорошо приняли в Европе: напечатали в Геттингенском университете, русского ученого избрали членом Геттингенского повивального общества, а Парижское гальваническое общество – своим корреспондентом. Но только через 13 лет после защиты диссертации доктор медицины стал профессором. Засилье ученых-иностранцев не способствовало продвижению отечественных талантов. Иноземцы-медики всячески старались очернить Е. О. Мухина, интриговали против него. Он тоже не скрывал своего отношения к ним.

Видный российский хирург И. В. Буяльский в своих «Воспоминаниях» писал: «Профессор Е. О. Мухин ни от кого не скрывал нерасположения своего к бездушью, хвастливости и корыстолюбию иностранцев, направляющих все усилия к скорейшему обогащению за русский счет и вовсе не заботящихся о выполнении тех обязательств, которые приняли на себя при вступлении на русскую службу».

Е. О. Мухину высшие инстанции в силу своей косности, консерватизма, отказали в присвоении звания академика. «Аргументацией» министра народного просвещения графа Разумовского служил параграф 62 академического Устава, в соответствии с которым звание академика «дается только за выслугу 10 лет при академии в звании ординаторского профессора, а следовательно, прежняя служба Мухина в сем отношении не может быть принята за основание для производства его». По словам ученого секретаря университета, профессора В. М. Котельникова, выступившего на конференции ученых с предложением присвоить это звание столь уважаемому и заслуженному коллеге, которое единогласно поддержали все присутствующие, «совершенно не бралось в расчет, что Е. О. Мухин произвел весьма великое число трудов. Из его учеников вышли многие известные лекари, доктора, прозекторы, адъюнкты и профессора, которые, исполняя должности, доставляют великую пользу... Преподает он врачебные науки более 25 лет... Не получил никакого вознаграждения за пятилетнюю службу при Елисаветградском институте, за девятилетнюю – в Голицинской публичной больнице, за пятилетнюю – при Славяно-греко-латинской академии, за восьмилетнюю – при настоящей медико-хирургической академии».

Но несмотря ни на что, научная и врачебная деятельность Е. О. Мухина давно получила признание и в Москве, и в Петербурге, и в Харькове – он был членом Московского медико-хирургического общества, почетным членом Петербургского медико-хирургического общества, Московского общества испытателей природы, почетным членом Харьковского университета. Он являлся членом нескольких научных обществ Европы, был известен в Геттингене и Париже.

Е. О. Мухин сочетал научную и врачебную деятельность. Вот несколько направлений, по которым он работал: медицина и естественные науки, сущность физиологических процессов,

организм и его среда, хирургия. Большую славу принесла профессору работа в московской Галицинской больнице. К нему съезжались больные не только со всей Москвы, но и из далекой провинции. К нему приходили студенты-медики для практических занятий, для них он организовал малую медико-хирургическую школу.

«Врач не может надлежащим образом исполнять должность свою, не зная анатомии. Она есть магнитная стрела, указывающая прямой путь лекарю, коим он должен при действительном своем упражнении в пользу больных. Анатомия – есть руль, направляющий действия его, также истинное и прочное основание всей врачебной науки», – учил Е. О. Мухин будущих медиков.

Вот еще некоторые штрихи к портрету декана факультета Ефрема Осиповича Мухина по воспоминаниям его современника и коллеги профессора Г. Я. Высотского: «Трудно проверить, какое множество людей всех званий обращались к нему за пособием и советом, а еще труднее объяснить, как находил он время успевать повсюду, не лишая никого из своих пациентов того внимания и того участия, которых вправе ожидать больной от своего врача... Без Мухина не обходился почти ни один консилиум, по всем концам необъятной Москвы были рассеяны его пациенты».

В семье небогатого чиновника Ивана Ивановича Пирогова тяжело заболел старший сын – его замучил ревматизм. Пытаясь облегчить его страдания, приглашали врачей, их было пятеро, но облегчения не наступало. И тогда, по совету соседей, обратились за помощью к известному всей Москве врачу, ученому Ефрему Осиповичу Мухину.

Ефрем Осипович принял приглашение немедленно, тем более, что это был случай тяжелейшего недуга, не поддающегося лечению, что было интересно ему как врачу-практику.

«Я помню еще, с каким благоговением приготовлялись все домашние к его приему, – вспоминал Николай Иванович Пирогов, будущий великий доктор, светило российской хирургии, – конечно, я, как юркий мальчик, бегал в ожидании взад и вперед; наконец подъехала к крыльцу карета четверней, ливрейный лакей открыл дверцы, и как теперь вижу высокого, седовласого господина, с сильно выдавшимся подбородком, выходящего из кареты.

Вероятно, вся эта внешняя обстановка, приготовление, ожидание, карета четверней, ливрея лакея, величественный вид знаменитой личности сильно импонировали воображению ребенка, но не настолько, чтобы тотчас же возбудить во мне подражание, как обыкновенно это бывает с детьми: я стал играть в лекаря потом, когда присмотрелся к действиям доктора при постели больного и когда результат лечения был блестящий».

Доктор поразил тогда еще совсем юного Н. И. Пирогова больше всех знакомых врачей семьи. При всей солидности и важности своего положения, огромной известности Ефрем Осипович Мухин был ласков и нежен с больным, проявляя особую чуткость и внимание. Все посторонние звуки, люди исчезали для него, оставался только больной с его жалобами и страданиями. Именно Ефрем Осипович Мухин, как вспоминал позже Н. И. Пирогов, возбудил в нем глубокое уважение к искусству врачевания. Он стал любимым доктором и близким другом семьи, советчиком при выборе профессии будущего известного хирурга Н. И. Пирогова.

Ефрем Осипович Мухин ратовал за самобытную русскую науку, и с ним были солидарны его ученики.

Так, в 1836 г. И. Е. Дядьковский писал о том, что русская наука не должна признавать «ничьего умоположения за истину иначе как только убедившись в истинности его верностью и логического, и нравственного, и физического его употребления, русские врачи, при настоящих сведениях своих, имеют полную возможность свергнуть с себя ярмо подражания иностранным учителям и сделаться самобытными...»

Ефрем Осипович Мухин перевернул горы иностранной литературы и создал российскую анатомическую терминологию, заложил основы отечественной травматологии. Он – «достоинейший и искуснейший в России анатомик», написавший первый учебник по анатомии на русском языке, а также автор целого ряда трудов по медицине.

Е. О. Мухин – не только выдающийся отечественный ученый и врач, учитель Н. И. Пирогова и И. В. Буяльского, И. Е. Дядьковского, но и великий патриот, «ревнитель русского начала», «любивший все русское и желавший иметь во всей России русских врачей».

Наказом будущему поколению отечественных медиков звучат заключительные слова Е. О. Мухина в последней лекции студентам Московского университета: *...польза, честь и слава Отечества да пребудет всегда главнейшими Вашими приметами. У самого ученого и врача с любовью к труду и науке «...равнялось в нем одно только чувство – любовь к отчизне».*

Великий врач и гражданин (Н. И. Пирогов)

13 ноября 1810 года – знаменательная дата не только для российской, но и всей европейской науки. В этот день родился будущий великий врач и гражданин России **Николай Иванович Пирогов** (1810–1881).

Николаю было всего два года, когда началась война с Наполеоном. «Не родился я в эпоху русской славы и искреннего народного патриотизма, какой были годы моего детства, – вспоминал Н. И. Пирогов, – едва ли бы из меня вышел космополит». Он даже учился азбуке, состоящей из карикатур на французов, над его постелью висела сабля отца в медных ножнах, Иван Иванович рассказывал ему, что с ее помощью спас крестьянку. От дедушки узнал о Петре Первом, Троице-Сергиевой лавре и о святом Сергии Радонежском, благословившем Дмитрия Донского на Куликовскую битву. Слова «иди и спасай», сказанные этим святым, потом были и его словами, которые он говорил себе, когда шел туда, где нуждались в его помощи.

Самым любимым педагогом в «Своекоштном отечественном училище для детей благородного звания», куда его поместили в 12 лет после домашней подготовки буквально на последние средства, был учитель русского языка Войцехович. На его уроках он познакомился с сочинениями Державина, Крылова, Жуковского, слушал рассказы из древней и русской истории. Войцехович говорил ученикам: «Помните, что земля русская, угнетенная и подавленная всякими бедствиями, уцелела и возсталла в новом величии. Гордитесь, что живете на такой святой земле».

Николай Пирогов учился легко, любил читать и постигать новое. Из-за отсутствия денег его забрали из частного пансиона. Он очень переживал, но друг их семьи, домашний доктор Е. О. Мухин, утешил семейство Пироговых, сказав, что не надо падать духом, и посоветовал готовить Николая в университет, «он способный и грамотный парень». По совету профессора ему нанимают для подготовки студента-медика. Потом вся семья благословляет Николая на экзамен, который он успешно сдает. Отец повел его в церковь, где отслужил благодарственный молебен Иверской иконе Божией Матери. Так Н. И. Пирогов начал обучаться профессии врача. После экзамена в Петербургской медико-хирургической академии он в числе нескольких студентов отправляется на учебу в Дерпт (Тарту) для подготовки к профессорской деятельности. В напутствии студентам президент академии сказал, что Россия нуждается в своих русских ученых, ей нужны свои кадры. Поэтому «мы надеемся, что приобретя необходимые знания, вы принесете большую пользу России». И пожелал всем счастливого пути.

За всю историю существования Дерптского университета не было такого студента-фанатика, как Н. И. Пирогов. Он усиленно занимается анатомией и хирургией, буквально пропадает в анатомичке, сближается с профессором хирургии Иваном Филипповичем Мойером.

Профессор был несказанно удивлен такой жадной познания студента, который мог несколько суток подряд проводить в анатомичке, препарируя и оттачивая практические хирургические навыки. Такого студента у него еще не было. Сам И. Ф. Мойер загорелся работой, появился научный интерес. И он вместе со студентами оперировал. Владя необыкновенной хирургической легкостью, часто доверял им под его наблюдением производить какое-либо хирургическое вмешательство.

Буквально не покладая рук Н. И. Пирогов проделывал опыты по перевязке артерий на собаках и телятах. К концу месяца, потратив свои последние деньги на покупку и содержание животных, перед получением жалованья Н. И. Пирогов сидел не только без хлеба, но и даже чая и сахара не на что было купить: вместо чая пил отвар ромашки, мяты, шалфея.

«В воспоминаниях сохранилось у меня, – писал Н. И. Пирогов, – несмотря на протекшие уже с тех пор 50 с лишком лет, с каким рвением и юношеским пылом принялся я за мою науку; не находя много занятий в маленькой клинике, я почти всецело отдался изучению хирургической анатомии и производству операций над трупами и живыми животными...»

Конечно, ему после таких физических перенапряжений необходим был отдых, духовная пища. Профессор И. Ф. Мойер видел, как трудится его студент, он знал, что Н. Пирогов здесь, в Дерпте, совсем один, знал и о его бедности, поэтому старался его опекать и приглашал к себе в гости. У Мойера он познакомился с великим русским поэтом В. А. Жуковским, который был дружен с семейством профессора. Здесь Н. И. Пирогов слушал его мастерское чтение поэмы «Борис Годунов» А. С. Пушкина, Василий Андреевич Жуковский по его просьбе с большим воодушевлением прочел и свое стихотворение «Вождю победителей», посвященное М. И. Кутузову. Оно было написано после сражения под Красным. Каким патриотизмом, любовью к родине были наполнены слова, звучащие из уст автора:

...И мчится враг, стыдом покрытый, вспять,
И с россом мир тебе рукоплещает...
Кто пенью струн средь плесков сих внимает?

Но как молчать? Я сердцем славянин!

В доме И. Ф. Мойера часто звучала музыка. И когда Н. И. Пирогову удавалось прийти сюда, он наслаждался игрой И. Ф. Мойера на фортепьяно, не только известного хирурга, но разностороннего, талантливого человека. Особенно его исполнением произведений Бетховена – играл профессор прекрасно.

Он еще был и защитником Н. И. Пирогова, заступился за него, когда надсмотрщик и попечитель русских кандидатов В. М. Первозщиков писал ложные доносы в Петербург о якобы неуважительном к нему отношении со стороны Н. И. Пирогова. И. Ф. Мойер тоже послал письмо, в котором поручился за своего студента. И еще – зная о его нелегкой жизни, теща И. Ф. Мойера, Екатерина Афанасьевна, пустила его к себе жить бесплатно на несколько месяцев, когда истек срок найма его квартиры. Все эти проявления дружбы, уважения к личности Н. И. Пирогова хоть немного, но скрашивали и облегчали его непрерывный и самоотверженный труд на пути к будущим открытиям и его научной и практической деятельности.

Любимой песней – гимном студентов Дерпта было стихотворение поэта Николая Языкова «Из страны, страны далекой», положенное на музыку композитором А. А. Алябьевым. Этот гимн распевал весь университет, и самого Николая Языкова все знали и любили, он был другом и Николая Пирогова. И часто Н. Языков говорил ему: «Будем любить Москву! Там русский дух! И пел «Из страны, страны далекой»:

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой,
Ради славного труда,
Ради вольности веселой
Собралися мы сюда.
Вспомним горы, вспомним доли,
Наши храмы, наши села,
И в стране, стране чужой
Мы пируем пир веселый
И за родину мы пьем.
Пьем с надеждою чудесной
Из бокалов полновесных.
Первый тост за наш народ,
Первый тост за наш народ,
За святой девиз вперед,
Вперед, вперед, вперед,
Вперед, вперед!

Иван Филиппович Мойер, видя, что дружба между ними усиливается и зная, что Н. Языков – любитель частых студенческих попок, решил, со слов студента Иноземцева, что Николай Пирогов начал пить. Он пришел к своему ученику, и как тот не оправдывался и не возражал – Н. Пирогов не участвовал в питейных сборищах – предупредил: «Вы собираетесь стать хирургом. И разум у вас всегда должен быть чистым, ясным. А руки цепкими и ни в коем случае не дрожать... Это зелье ни в коем случае нельзя употреблять». Слова своего дерптского учителя хирург Н. И. Пирогов помнил всю жизнь, хотя никогда не злоупотреблял этим. Каждая минута была на счету – и совершенно не хватало времени ни на что.

В Дерптском университете товарищей у Н. И. Пирогова было мало, были коллеги по совместной учебе. Так, первую свою научную работу он выполнял не один, с ним трудились еще несколько студентов, но темы были разные, поэтому каждый занимался своим делом. Многие

учились просто так, для себя: «не выгонят, и ладно». Жизнь студентов, как правило, беззаботна, хочется веселья, пока молоды. Кутить и веселиться – таков был лозунг немецких студентов Дерпта, не берущих книг в руки годами. Например, были даже дуэли со шпагами и пистолетами. Многие русские поначалу кое-как осваивали науки и даже добивались хороших успехов в учебе, но потом неожиданно выходили из колеи.

«За исключением нас, присланных в Дерпт, уже по окончании курса в русских университетах, и двух или трех других русских, всем прочим пребывание в Дерпте не пошло впрок. Карамзины и Соллогуб едва ли вынесли что-нибудь из дерптской научной жизни, кроме знакомства с разными студенческими обычаями; другие, как например, Языков, воспитанники из учреждений императрицы Марии и приезжие из Москвы и Петербурга полурусские и полунемцы, просто спивались и уезжали через несколько лет в весьма плохом виде; только двое из них, Федоров Василий Федорович и Кантемиров, вышли было в люди, но ненадолго. Федоров, весьма дельный астроном и наблюдатель, сделал экспедицию с Парром на Арарат, потом в Сибирь, потом сделался профессором астрономии в Киеве и ректором университета, но не оставил привычки попить и скоро умер, еще далеко не старый; Кантемиров вышел доктором медицины, был за границей, но, до крайности бескровный и худосочный, также скоро умер еще в молодых годах».

Н. И. Пирогов сумел сохранить себя и целиком посвятить науке. Здесь, в Дерпте, он сформировался как ученый, который стремится к своей цели и добивается ее упорным трудом, и как человек, который хочет служить во благо своего Отечества. Слова Василия Андреевича Жуковского, сказанные Н. И. Пирогову однажды при встрече с ним: «очень мало среди медиков русских... А так хотелось бы иметь свою, родную, российскую величину» отложились в его памяти. Тогда он поклонился в ответ, выражая свое согласие.

После многочисленных опытов и экспериментов, изучения научных трудов Н. И. Пирогов на 50 листах описал все свои наблюдения, выводы и предложения о перевязке артерий. Свою работу «О перевязке артериальных сосудов» он дополнил красочными рисунками с натуры и представил профессорскому совету. Решением совета в 1829 г. его работа была удостоена золотой медали. Н. И. Пирогов становится известным и среди студентов, и среди профессоров университета. Теперь в знак поощрения его освобождают от посещения некоторых лекций, и он радуется этому. Ведь и раньше, устав от работы в анатомичке или операционном зале, он пропускал лекции по другим предметам. И он задумал вообще не сдавать экзамен на докторскую степень. Но его, слава Богу, остановил болеющий за него всей душой профессор И. Ф. Мойер. Вот как об этом писал Н. И. Пирогов.

«...меня смущало то, что слушая лекции, я неминусемо краду время от занятий моим специальным предметом, который как ни специален, а все-таки заключает в себе, по крайней мере, три науки. А сверх того, я действительно тяготился слушанием лекций, и это неумение слушать лекции у меня осталось на целую жизнь. Посвятив себя одиночным занятиям в анатомическом театре, в клинике и у себя на дому, я действительно отвык от лекций, приходя на них дремал или засыпал и терял нить; демонстративных лекций в то время на медицинском факультете, за исключением хирургических и анатомических, вовсе не было; ни физиологические, ни патологические лекции не читались демонстративно. Зачем же, думал я, тратить время в дремоте и сне на лекциях? Наконец я дошел до такого абсурда, что объявил Мойеру о моем решении не держать окончательного экзамена, то есть экзамена на докторскую степень, так как в это время от профессоров не требовали еще докторского диплома; а если понадобится, думал я, так дадут и без экзамена дельному человеку».

В свое оправдание он сказал И. Ф. Мойеру, что работает над докторской, и у него нет ни одной свободной минуты, а экзамен может выбить его из колеи и отберет время. Но профессор убедил его не отказываться от докторского диплома, тем более и хирургию, и анатомию, и физиологию Н. И. Пирогов прекрасно знал: «Не волнуйся, иди и спокойно сдавай». Так, в

1831 г., блестяще защитив докторскую диссертацию, он получил степень доктора медицины по теме «Перевязка брюшной аорты».

Годы в Дерптском университете были памяты Н. И. Пирогову не только учебой, но и встречами с друзьями, близкими ему по духу. Особое духовное родство Н. И. Пирогов чувствовал к бывшему офицеру флота Владимиру Ивановичу Далю, тоже осваивавшему хирургию в Дерпте. Он удивлял и своей быстротой, с которой производил операции, и тем, что писал сказки, да какие – заслушаешься: собиралась такая толпа, когда он начинал их читать, что нельзя было протолкнуться.

В. И. Даль замечательно пел русские песни, сопровождая себя на органчике. Он хорошо знал природу и жизнь русского народа, собирал разные прибаутки, пословицы и частушки, легенды, сказы. Когда началась война с Турцией, В. И. Даль, прервав учебу, уехал воевать. Они с Н. И. Пироговым сердечно попрощались. «Долг велит, кто-то же должен защищать Родину», – с этими словами В. И. Даль сел в повозку, на лице его была радостная улыбка, хотя в глазах светилась печаль. Больше они не встречались.

Была еще одна встреча Н. И. Пирогова с ревельскими врачами Винклерами – отцом и сыном, с которыми он подружился будучи на каникулах в Ревеле (Таллине). Жители Ревеля уважали своих врачей, преклонялись перед их нелегким трудом. Особенно Н. И. Пирогова поразило в них чуткое и внимательное отношение к больным. Врачи разговаривали с больным на равных, как близкие друг к другу люди. Так возникало доверие больного к врачу, что способствовало благоприятному исходу в лечении болезни. Это был особенный, душевный метод врачевания. Из поездки в Ревель Н. И. Пирогов понял, что врачевание – это особое искусство, где роль слова очень высока.

Он стремился продолжить учебу, совершенствоваться на научном поприще, приобрести практический опыт и навыки по своей профессии, и в 1833 г. ему разрешили выехать в двухгодичную командировку за границу в Берлин. Учение было платным: нужно было из своего жалованья оплачивать и посещение лекций, и практические занятия, но впереди, считал тогда Н. И. Пирогов, было «будущее, розовые надежды, новая жизнь в рассадниках науки и цивилизации». И это так радовало и веселило молодого доктора медицины. Он тогда еще не знал, что в Берлине его постигнет разочарование – практическая медицина была изолирована от ее основ – анатомии и физиологии. Даже великие хирурги Руст, Грефе, Диффенбах оперировали вслепую, а их знания анатомии были очень малы. Поэтому хирургические операции проводились вслепую, выручала интуиция, опыт и техника. Терапевты почти не слушали и не осматривали больных, и диагноз ставился в основном на основании их жалоб. Но и там, в Германии, он находит родственные души. Это, во-первых, любитель анатомии, пожилой профессор Шлемм, который видел в иностранце человека, любившего то же самое, к чему и он был очень расположен, притом знавшего очень многое из той части анатомии, которой он мало занимался. Н. И. Пирогова восхищало в немецком хирурге его умение первостепенного техника: «его анатомические препараты отличались добросовестностью и чистотой отделки». Симпатии ученых были взаимными. Здесь же, в анатомическом театре, работал известный биолог И. Мюллер, который удивлял своим необыкновенным трудолюбием. Над своими опытами с лягушками он просиживал до самого утра. Честность и любовь к науке, неугасимая энергия первооткрывателя, простота в обхождении – черты подлинного ученого, которые были присущи И. Мюллеру. Те кратковременные встречи, происходившие у Н. И. Пирогова, подзаряжали его энергией творчества, желанием работать и делать открытия. Молодой ученый уделял основное внимание работе в клинике и анатомичке. В госпитале «Шарите» он познакомился с влюбленной в анатомирование госпожой Фогельзанг, которая за небольшую плату согласилась, чтобы он присутствовал на ее вскрытиях. Она была прекрасным учителем, очень дорогим для Н. И. Пирогова человеком, потому что не только разъясняла, но и показывала особенности препарирования

и анатомирования самых сложных участков человеческого тела. Н. И. Пирогов внимательно слушал, запоминал и экспериментировал сам.

Все это пригодилось ему для его одного из самых значительных сочинений «Хирургическая анатомия артериальных стволов и фасций», написанного в 1837 г. в Дерпте, где Н. И. Пирогов возглавил кафедру хирургии. Восемь лет он собирал материалы, в основе которых лежали его собственные анатомические и экспериментальные исследования. Впервые он обратил внимание на особенности строения фасций – тонкой соединительной оболочки, покрывающей отдельные мышцы и их группы, а также сосуды, нервы и их органы. Каждой фасции он дает характеристику, указывает на особенности строения. Фасции имеют исключительно большое значение как главные ориентиры при хирургических операциях. Н. И. Пирогов определил их значение при воспалительных процессах... До сих пор эта работа является основой современной прикладной анатомии. Для наглядности он красочно ее проиллюстрировал. На свои деньги нанял художника, который в процессе работы освоил литографию и прекрасно выполнил рисунки. В этом же году выходит первая часть «Анналов (хроник) хирургического отделения Дерптского университета». Здесь Н. И. Пирогов приводит самые разные истории болезней, и каждый случай содержит выводы и размышления. Своеобразная хроника хирургической практики поражает своей беспристрастностью, правдивостью и нелицемерием. Он писал: «Я только год состою директором Дерптской хирургической клиники и уже дерзаю происшедшее в этой клинике сообщить врачебной публике. Поэтому книга моя необходимо содержит много незрелого и мало основательного; она полна ошибок, свойственных начинающим практическим хирургам... Несмотря на все это, я счел себя вправе издать ее, потому что у нас не достает сочинений, содержащих откровенную исповедь практического врача и особенно хирурга. Я считаю священной обязанностью добросовестного преподавателя немедленно обнародовать свои ошибки...»

С безжалостностью к себе он описывает случаи, где слишком поторопился с операцией, чем способствовал смерти больного.

«В нашем лечении была совершена только одна ошибка, в которой я хочу чистосердечно признаться. При этом я не заметил, что глубокая артерия бедра... не была перевязана».

«Больного, описанного в случае 16, я таким образом буквально погубил... Я должен был быть менее тщеславным, и если я уже однажды совершил ошибку, решившись на операцию, то мог хотя бы спасти больному жизнь ценою жизни конечности».

Такого еще не случалось – чтобы сор из избы... да еще на суд широкой общественности. Мало кто отважится на такой поступок. Это была настоящая публичная исповедь, совсем как в те далекие времена, когда согрешившие повергались на землю перед входящими в храм христианами и громко всем исповедовали свои грехи, это был подвиг покаяния... Человек не только осознавал свои ошибки, он старался их не повторять.

Большая часть врачей встретила в штыки «Анналы». Н. И. Пирогова открыто ругали и проклинали за откровенное признание своих ошибок. Другие – их было мало – считали, что таким образом ученый предостерегает своих коллег от подобных ошибок. Один из университетских профессоров М. Энгельгард сказал ученому: «Ваши «Анналы» – отличная вещь! Врачебная честность необходима как воздух. Только она может спасти нас, образумить и снять гордыню». Для Н. И. Пирогова всегда было делом чести отвечать за каждую свою совершенную ошибку и не скрывать этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.